
М. В. Нащокина

Итоги двадцатилетия и перспективы изучения русского усадебного наследия

Двадцать лет возрожденному Обществу изучения русской усадьбы... Двадцать лет — это значительный период для всех, кто прожил эти годы вместе с Обществом, участвовал в его конференциях, вечерах, поездках; срок, достаточный для появления нового поколения, уже заметный не только в жизни отдельного человека, но и в исторической панораме рубежа XX–XXI вв. Временная дистанция располагает к ретроспективным размышлениям, ими я и хочу поделиться.

Даже при беглом взгляде на итоги научной деятельности ОИРУ понятно, что они впечатляющи. За истекший срок русская усадьба была представлена не только во многих исследованиях членов Общества (статьях, монографиях, архивных публикациях), коснувшихся самых разных сторон ее феноменологии, но и впервые, благодаря последовательным экспедиционным поездкам ОИРУ по стране, была охвачена в целом, в своих грандиозных территориальных границах. Исследования ведущих членов нашего Общества впервые позволили сформировать в отечественной гуманитарной науке общее представление о русской усадьбе, которое ранее отсутствовало в силу разных объективных и идеологических причин¹.

Для того чтобы яснее представить себе особенности вклада работы Общества в усадебную тему последних лет и определить дальнейшие тенденции исследования, напомним краткую послереволюционную историографию русской усадьбы. Как известно, один из самых ярких и последовательных приверженцев усадебной темы 1900-х гг., автор «Помещичьей России» барон Н. Н. Врангель надолго предопределил ее изучение, обозначив временные границы существования усадьбы в русской культуре — «от Петра Великого и до Царя-Освободителя...»², и, таким образом, сразу поместив ее в достаточно отдаленное прошлое. В его работах усадьба предстала как давно исчезнувший элемент русской жизни: «И как безумно, до слез жаль этой старой, милой, дорогой и ласковой поэзии помещичьего быта, этих мечтательных времен, как жаль развалившегося, сгнившего ларинского дома и тех признаков

близкой старины, что улетели от нас...»³. Щемящее чувство утраты еще не позволяло дать исчезающему культурному феномену обобщенную оценку, но тонкие, эмоционально глубоко трогаящие сочинения Врангеля заложили основы отношения к русской усадьбе в послереволюционный период.

Советскую историографию в свое время вполне устроила трактовка русской усадьбы как ограниченного числа превосходных памятников, исчезнувших задолго до 1917 г., однако эта трактовка в свою очередь была дополнена содержательно: усадебное искусство было акцентировано как национальное по форме и содержанию, созданное трудом крепостных⁴. Другими словами, в 1930-е — 1970-е гг. русская усадьба как предмет изучения осталась в прежних исторических и временных границах, но ее понимание значительно углубилось и расширилось.

Именно в советский период усадьба была впервые осмыслена как *архитектурный ансамбль* и в этом качестве попала во все хрестоматии и многотомники по русскому искусству и архитектуре. Ряд признанных и, что важно, сохраненных шедевров усадебного искусства — Петергоф, Павловск, Останкино, Кусково, Архангельское — убедительно обнаруживал не только архитектурные достоинства, но и умение создавать садово-парковые композиции, искусно сочетая их с природной средой. *Синтез искусств*, по справедливости, стал в этот период одной из главных характеристик русской усадебной культуры. В 1950-е гг. были успешно защищены диссертации, рассматривавшие отдельные элементы усадебного комплекса — мостики, декоративные ограды, парки и т. д. Постепенно расширялись сведения и о владельцах имений, особенно если они были связаны с кругом Пушкина и декабристами. Важнейшей стороной советских исследований стало последовательное утверждение *самобытности* русского усадебного искусства, подкрепленной изысканиями по творчеству крепостных художников и зодчих, ранее никогда не рассматривавшемся.

В 1970-е гг. вынужденная идеологическая ограниченность изучения усадеб стала отходить на второй план. Развивавшаяся реставрационная деятельность постепенно вовлекала в научный оборот всё новые усадьбы, имена их зодчих и владельцев; начавшаяся в те годы работа по созданию охранных зон вокруг усадебных комплексов впервые заставила говорить об окружающем усадьбу ландшафте как неотъемлемой части ее ансамбля. В конце 1970-х гг. стали раздвигаться и временные рамки усадебных исследований, становилось ясно, что феномен русской усадьбы оставался жизнеспособным и после реформы 1861 г. Расширение объекта исследования действительно отражало реалии русской культуры — усадьба явно перерастала отведенные ей границы локального явления феодальной культуры, незаметно превращаясь в один из самых существенных и неотъемлемых элементов жизни народа на про-

тяжении всей русской истории. Симптоматично появление в 1980-е гг. работ, выявивших связь усадьбы с более поздними видами загородного жилья — дачей, загородным домом и виллой.

Перестройка, отбросив, наконец, многие идеологические препоны и неизмеримо расширив исследовательские горизонты введением огромного документального и литературного пласта русского зарубежья, вдохнула в изучение русских усадеб новую жизнь. Приятно сознавать, что новый этап в изучении усадебного наследия был непосредственно связан с деятельностью воссозданного в 1992 г. Общества изучения русской усадьбы. Первые же научные конференции и сборники ОИРУ объединили и во многом направили ранее разрозненные усилия многих столичных и провинциальных ученых. Именно мощный организационный импульс Общества, сумевшего консолидировать научные силы, так или иначе затрагивающие усадебную тему, постепенно сделал усадьбу одним из самых популярных объектов во многих исторических и историко-культурных⁵ изысканиях, превратившихся теперь в самостоятельное направление исторической науки — усадебоведение.

Благодаря двадцатилетней работе ОИРУ⁶ сформировалось несколько приоритетных, ранее почти неизученных направлений, которые получили развитие в работах членов Общества. Во-первых, русская усадьба в них уже рассматривается в исторически объективных *временных параметрах* — с периода Средневековья до начала XX в.⁷; причем большое внимание было уделено поздней русской усадьбе *периода капитализма*⁸. Во-вторых, заметное место в исследованиях заняла тема просвещенного *заказчика*, о котором впервые заговорили как о полноправном, а нередко и заглавном создателе усадебного ансамбля. Многие статьи и книги последнего двадцатилетия раскрывают основополагающую роль заказчиков в создании усадебных коллекций и библиотечных собраний. В-третьих, внимание исследователей закономерно привлекла *проблема западноевропейских связей и влияний* (например, палладианства), позволяющая выявить роль западноевропейских архитекторов, живописцев, декораторов, мебельщиков, резчиков в создании русских усадеб. В-четвертых, усадьбы впервые стали рассматривать как часть *культурного ландшафта* России⁹. В тесной связи с этой темой находится изучение *русского садово-паркового искусства*¹⁰, всё чаще привлекающего внимание исследователей. В-пятых, существенно расширились возможности исследования *социальной стороны* жизни усадеб, их *хозяйственного комплекса*, принципов ведения хозяйства и т. д.¹¹ Наконец, шестое, последнее, и, на мой взгляд, самое важное: усадьбу всё чаще стали рассматривать как *мир*, то есть полноценную в духовном, хозяйственном, культурном и экономическом отношении частицу государства.

Все перечисленные направления изучения русской усадьбы, получившие развитие в период существования возрожденного ОИРУ, остаются приоритетными и сейчас. Однако в последние годы наметились новые важные тенденции, которые во многом меняют наше представление об усадьбе. Едва ли не самой важной в наши дни стала продолжающаяся в процессе исследований трансформация самого понятия русской усадьбы как объекта и предмета исследования, постоянно расширяющегося и углубляющегося.

Понимание усадьбы как автономной ячейки любого жилого образования на территории нашей страны — от древнейших славянских городищ и селищ до городов и деревень XIX в., носительницы традиционного бытового уклада и образа жизни, сформированного многовековым натуральным хозяйством, делает очевидным сегодня, что русская усадьба — это *концентрированный национальный универсум*. В ней отразились все стороны русской жизни, русского характера, всё — и хорошее, и... плохое. Усадьба наглядно представляет взаимоотношения народа с природой, она неотъемлема от его поисков и понимания прекрасного, она колыбель большинства русских гениев, получивших общенациональное звучание, представителей всех сословий — от крестьян до высшей аристократии. Века усадебного строительства — это фактически отражение жизни национального художественного идеала во времени. Весьма поучительны и судьбы усадеб, включая наши дни — когда век традиционной русской усадьбы в ее материальном воплощении необратимо подходит к концу. Осмысление невежества и варварства, с которым уничтожалось и продолжает уничтожаться усадебное наследие, может стать темой не менее полезной для самоидентификации русского человека.

Другими словами, усадебная тема в ее обобщенном теоретическом и историко-культурном аспектах еще почти не раскрыта, но она напрямую связана с самоопределением России в мире и культуре, а потому интерес к ней в ближайшее время, по крайней мере, в отечественных исследованиях, думается, не угаснет. Усадьба, столетие назад остановленная в своем развитии, может стать некоей удобной константой, с которой можно сопоставлять последующие глобальные изменения в нашей политической социально-экономической и культурной жизни.

Одним из самых важных изменений, произошедших в стране за прошедшие двадцать лет, пожалуй, является обвальное снижение роли отечественной культуры, и, как следствие, роли культурного наследия в целом. С одной стороны, первые годы перестройки принесли нам долгожданную возможность говорить обо всех сторонах усадебной жизни, познакомиться с ранее неизданными мемуарами, многими неизвестными дворянскими и купеческими усадьбами. С другой — именно в этот период в нашем обществе кардинальным образом стали

меняться ценностные приоритеты. Патриархальные усадебные домики, каменные и деревянные (последние просто почти все исчезли), в мире материальных ценностей оказались совершенно не престижными и лишними. Для того чтобы остановить тотальное усадебное разрушение, сейчас нет ни реальной политической, ни экономической, ни общественной воли.

У большей части новой российской буржуазии, которая совершенно бесосновательно именуется элитой, нет ориентации на отечественную историю и культуру. Купить виллу Тиберия на Капри — это круто (правда, в печати как-то стыдливо обойден конец этой «сделки века» — итальянцы, оказывается, свое достоинство чужакам не продают), а восстановить хрупкое изящное Никольское-Урюпино с его дивными росписями и обширным парком — это дорого, да и ни к чему, в кругах «бизнеса» не поймут. Как вложение капиталов это рассматривать не может, поскольку власть и деньги имущие, как правило, своего будущего с родиной не связывают.

Впрочем, упрек в беспамятстве можно обратить не только к правящей олигархической верхушке, но и к большей части общества. Ведь это благодаря общему небрежению и равнодушию уже почти столетие разрушаются, разоряются и горят памятники истории и культуры по всей России. После того, как перестройка нанесла сокрушительный удар по всем институтам социальной защиты населения¹², деградация наиболее благополучных, еще используемых усадеб, покинутых обитателями, не заставила себя ждать — уничтожались или просто выходили из строя все инженерные коммуникации, опустевшие строения безжалостно разбирали на стройматериалы, были случаи и умышленных поджогов.

Наступивший XXI век быстро завершает физическое уничтожение русских усадеб, и остатки великой национальной культуры, теперь уже действительно последние, исчезают на наших глазах. Как известно, ОИРУ стало первой общественной организацией, которая в своих ежегодниках «Русская усадьба» стала вести мартиролог усадебных памятников, ведь они (взятые вместе с храмами) составляют большую часть провинциального наследия в целом. Это всего лишь выборочный мониторинг, но и он впечатляет своими масштабами.

Конечно, есть и другая часть российского общества — с болью переживающая утраты, не жалеющая сил и времени на спасение погибающего наследия. Но это явное меньшинство. Алексей Ильич Комеч с горечью говорил, что по самым оптимистичным оценкам — это около 2%. И с этим нельзя не согласиться, поскольку если бы это было не так, то и культурная панорама последнего двадцатилетия была бы иной. А ведь пренебрежение к отечественной культуре напрямую связано с будущим страны. Александр Зиновьев (1922–2006) сказал в своем последнем интервью: «Россия имеет шансы стать великой державой; но есть,

по-моему, один путь для этого «...» — делать реальный вклад в мировую культуру, в музыку, в искусство»¹³. Надо ли напоминать, что отношение к наследию — один из основных показателей культуры народа...

Сегодня даже с большим основанием, чем Николай Врангель сто лет назад, мы можем повторить вслед за ним: «Страшно, когда рушится веками созданная культура, когда чувствуется разложение родовых основ»¹⁴. Хочется вспомнить и глубокие слова князя Сергея Щербатова: «Сроки жизни и гибели, как и само время, относительны, и весь мир полон жалкими остатками бывшей красоты, ожидающей своего смертного часа. Страшно не это, «...» страшно другое, — что всё более иссякают источники, могущие порождать красоту и искусство на развалинах прошлого. Исчезает чувство важной ответственности пред красотой и сознание вины пред уродством, как некоем преступлении пред тем, что веками почиталось за серьезное, ответственное и святое дело...»¹⁵. Эти слова легко приложить к сегодняшнему состоянию еще существующих усадеб. Уродливые остовы, растаскиваемые на щебень и бревна строения, спущенные пруды, застраиваемые коттеджами парки — всё это корнем своим имеет не только преступное равнодушие к собственной истории, но и поразительную глухоту к красоте природы и искусства.

За годы перестройки наше усадебное наследие понесло столь значительные, фактически тотальные утраты, что этот факт сам по себе может стать предметом исследований как показатель отношения к красоте и собственной истории. Однако мониторинг бедственного положения российского наследия, свидетельства гибели первоклассных, действительно уникальных памятников, утрата которых невозможна, в коридорах власти, где формируется культурная политика, мало кого волнуют¹⁶. Симптоматично, что даже спасение территорий утвержденных (!) охранных зон Архангельского от посягательств застройщиков не может быть кардинально решено Министерством культуры РФ, а отдано на откуп исключительно общественной инициативе.

Всё это вместе взятое, на мой взгляд, обусловило качественный перелом в отношении к усадебному наследию, произошедший в последние годы, который непосредственно связан с процессом его дальнейшего изучения. Почти до конца XX столетия усадеб хотя и были в ужасном состоянии, но всё-таки ощущались как живая часть отечественного наследия, которую можно и нужно сохранить и реставрировать. В первом десятилетии XXI в. происходит его стремительная археологизация и своеобразное отчуждение от культурного сознания новых поколений, и, как следствие, абстрагирование процесса изучения усадеб от их материальных остатков, уже исчезнувших или исчезающих. (Исключение составляют музеи-усадьбы, но их ничтожно мало для кардинального изменения отношения к остаткам великой национальной культуры.)

Русская усадьба теперь фактически лишь *виртуальный* архитектурный ансамбль, *воображаемое* вместилище давно растерянных и утраченных раритетов, библиотек и коллекций, часть *утраченной* русской садово-парковой культуры, *квинтэссенция ушедшего в прошлое* традиционного быта. Это наглядно подтверждает большинство публикаций об усадьбах, базирующихся только на архивных, генеалогических, иконографических и литературных источниках и никак не связанных с натурными изысканиями. Иллюстрациями к ним служат чаще всего фотографии пустого места в пейзаже или заросших крапивой фундаментов или руин. И этот чудовищный контраст между ушедшей в прошлое насыщенной культурной жизнью прежних хозяев и безнадежностью сегодняшней разрухи уже никого не поражает.

Да, находятся энтузиасты, которые пытаются преодолеть эту пустоту. Поразительным примером служит череповецкое Хантоново К. Н. Батюшкова, где уничтожение прошлого приобрело характер абсолюта и где энтузиасты-учителя пытаются на совершенно пустом, распаханном в 1970-х гг. месте бывшей усадьбы проводить исторические экскурсии и праздники поэзии¹⁷. Не подумайте, что это упрек в их адрес — просто этот урок для сегодняшних школьников, мягко говоря, неоднозначен, ведь им, находясь в чистом поле, нужно силой воображения представить дом, службы, прекрасный парк, тенистые аллеи, пруды... Вряд ли можно обойти стороной закономерный вопрос, почему этот мемориальный энтузиазм не проснулся у их дедов и отцов, при которых это культурное гнездо, в конце концов, превратилось в зияющую пустоту.

Местоположение усадеб, их заросшие парки, конечно, еще остаются *неотъемлемым элементом рукотворного ландшафта России*, правда, тоже уходящим, но исчезновение непосредственного контакта с ушедшей в прошлое усадебной культурой уже выразилось в неожиданном развитии и популярности усадебной археологии. Конференция ОИРУ, посвященная этим проблемам, прошла с успехом и фактически обозначила путь, по которому, увы, неизбежно пойдут будущие усадебные исследования — путь познания через единичные, порой случайные разрозненные артефакты, дающие почву для интерпретаций в большом смысловом диапазоне.

Двадцать лет существования воссозданного ОИРУ фактически совпали с еще одним важным смысловым переломом. Если до 1990-х гг. русская культура Серебряного века еще жила в культурной рефлексии ее последних свидетелей и носителей, их детей и внуков, то в первое десятилетие XXI в. произошла смена культурной парадигмы. Серебряный век ушел в прошлое, став таким же далеким, как век Золотой, век Пушкина. Сейчас доживает свой срок последнее поколение, для которого эта часть русской культуры еще сохраняет свою притягательную

близость, тогда как поколение 30–35-летних, выросшее на других ценностях, уже утратило с ней живую связь. Их связь с национальными культурными ценностями вообще сильно ослаблена, причиной чему стал отмеченный социологами бурный рост русского индивидуализма, которым отмечены два последних десятилетия¹⁸ и который, несомненно, коснулся и нового поколения исследователей усадебного наследия. Вот почему глубокое изучение русской усадьбы как феномена национальной психологии, этики и духовной жизни так важно и актуально в наши дни.

Богатые и бедные, большие и маленькие, усадьбы всегда воплощали образ жизни, духовные, этические и эстетические ценности русского народа, а познание себя было и остается одной из главных и насущных задач гуманитарной науки. Со временем эта проблематика будет расширяться (правда, если не сойдет с исторической сцены сам народ, ее породивший). Русская усадьба была ячейкой в глобальной системе освоения гигантских пространств нашей страны, важным звеном в ее культурном преображении. Слишком многие сферы были ею затронуты: разумного хозяйствования на земле, сбережения лесов и рек, сохранения природного и животного разнообразия¹⁹, жизни в подчинении природному циклу, этики разумного самоограничения, литературного творчества, изобразительного искусства, музыки, театра, и т. д. и т. п. Универсальность усадьбы как предмета исследования, так ярко отраженная великой русской литературой XIX в., позволяет наглядно реконструировать традиционные духовные ценности, забвение которых несет с собой тяжелые нравственные потери. Именно этим можно объяснить повышенный в последние годы интерес к небогатой усадьбе, наиболее точно воплощавшей традиционный русский быт и уклад жизни.

Исследования провинциальной мелкопоместной, а порой просто бедной усадьбы, базирующиеся на новых архивных и литературных источниках, впервые вводимых в оборот, явно стали приоритетной темой последнего пятилетия (см., например, работы Т. Н. Головиной, А. А. Шмелёва), ей было посвящено немало солидных книг и статей²⁰. За прошедшее пятилетие серьезно продвинулась и каталогизация провинциальных усадеб, вышли усадебные каталоги Н. В. Мурашовой, Л. В. Мыслиной по нескольким ранее неизученным районам Ленинградской области (Тосненский, Кингисеппский), А. В. Чижкова по Калужской, Смоленской, Тульской областям и некоторые другие справочные издания. Причем эти материалы чаще всего предшествуют научным каталогам памятников истории и культуры, а потому при желании могут быть сразу задействованы для решения проблем использования и сохранения усадебного наследия. Несомненно, что это направление региональных исследований будет активно развиваться и в дальнейшем.

Перечисленные добротные профессиональные издания вместе с выпусками продолжающегося ежегодника «Русская усадьба» (вышло 18 номеров) пока позволяют противостоять тревожной тенденции последних пяти-десяти лет — увеличению числа глянцевого псевдокраеведческих изданий, имеющих сугубо компилятивный характер и нередко изобилующих чудовищными ошибками. То же относится и ко многим сайтам по усадьбам, порой нарядно оформленным, но представляющим вторичную заимствованную информацию, естественно без ссылок на источники, а иногда и без понимания сути публикуемого. Эта недобросовестная продукция, часто фальсифицирующая нашу историю, полная выдумок и легенд, не имеющих под собой никаких оснований, сеет невежество, а нередко и глумливое отношение к собственной истории и культуре. Всё это накладывает на ОИРУ особую ответственность и заставляет каждого из нас еще раз осознать драгоценность подлинного научного знания о русской усадебной культуре. В этом аспекте роль исследований и публикаций ОИРУ как достоверного источника сведений и интерпретаций истории и культуры русской усадьбы возрастает, а со временем их документальная ценность станет непреходящей, ведь процесс разрушения усадеб еще не завершен.

Благодаря плодотворной инициативе Общества изучения русской усадьбы ушедший XX век, ставший в истории культуры России первым веком изучения усадеб, открыл перспективу для их дальнейшего более глубокого и многостороннего изучения. Вектор развития исследований последних пяти лет показывает, что многостороннее изучение русской усадьбы как феномена национальной культуры в ближайшие годы станет самой насущной проблемой усадебоведения, которая, будем надеяться, не потеряет актуальности даже с полным исчезновением материальных остатков большинства усадеб.

Примечания

1. Подробнее см.: *Нашокина М. В.* Актуальные проблемы изучения русской усадьбы // *Русская усадьба*. Вып. 13–14 (29–30). М., 2008. С. 7–16.
2. *Врангель Н. Н.* Помещичья Россия // *Н. Н. Врангель*. Старые усадьбы. СПб., 1999. С. 26.
3. Там же. С. 147–148.
4. В рамках этой концепции по истории и архитектуре русской усадьбы было создано несколько серьезных книг. Последним по времени выпуска стало уникальное издание «...в окрестностях Москвы. Из истории русской усадебной культуры XVII–XIX веков» В. С. Турчина и других (М., 1979), представляющее собой подлинное произведение полиграфического искусства.